

тий до своего времени. Но именно это и свидетельствует о нарушении основного принципа первой редакции Русского хронографа.

Хр. 1512 кончался на 1453 г. не случайно. Падение Константинополя, «второго Рима», было важнейшей вехой для ортодоксального историографа средневековья. Это стало особенно отчетливо осознаться после того, как Б. М. Клосс доказал, что в руках у хрониста был СКС, доведивший повествование до самого конца XV в., и, следовательно, обрыв изложения на 1453 г. не определялся отсутствием материала. В Хр. 1617 идея «цикличности» или какой-либо иной закономерности исторического процесса отсутствует. Для составителя Хр. 1617 течение истории не имеет предела во времени: не случайно в отдельных списках изложение продолжено и включает сведения о дальнейшем царствовании Михаила Федоровича, о правлении Алексея Михайловича и о воцарении Петра I. Это расширение временных рамок сопровождается и другим, не менее знаменательным явлением: утрачивается соразмерность частей, равномерность изложения, которую мы отмечали в Хр. 1512. Так, русская история изложена в Хр. 1617 крайне неравномерно. События до середины XV в. изложены в основном по Хр. 1512,¹¹⁶ при этом текст источника значительно (и, как увидим далее, бессистемно) сокращен. В гл. 143 опущены погодные записи за 6654, 6660, 6661, 6665, 6666, 6667 и 6683 годы, в том числе сообщение о смерти Юрия Долгорукого и об убийстве Андрея Боголюбского, однако сохранено куда менее значительное сообщение, что в 6669 году «град Ростов погоре и церковь соборная деревяная сгорела». В гл. 144 пропущено сообщение о походе южнорусских князей на половцев и рассказ о походе Игоря Святославича. В гл. 148 сохранено сообщение о закладке церкви в Ярославле, но значительно сокращено описание нашествия Батыея. В гл. 150 опущены сообщения о вокняжении Ивана Калиты или о смерти Максима Грека, но сохранена заметка о голоде, когда «жито все мыши поели». Уже приведенные примеры показывают произвольность сокращений, отсутствие каких-либо определенных принципов отбора известий. Сведения о событиях 1452—1534 гг. составитель Хр. 1617 черпал из источника, который пока не удалось установить, и это не дает возможности судить о степени его использования в Хронографе.

Тем не менее бесспорен повышенный интерес составителя Хр. 1617 к событиям Смутного времени. Именно в рассказе о Иване Грозном и его преемниках составитель отказывается от летописных приемов изложения, переходит к связному сюжетному повествованию, подробно излагая события и еще более рассуждая о них и оценивая происходящее.¹¹⁷ Таким образом, не судьбы христианского мира вообще и православного христианства в частности, а судьба Русского государства и народа оказывается в центре внимания хрониста. Знаменательно в этом отношении окончание Хр. 1617 — своего рода панегирик царю Михаилу Федоровичу: «И тогда приемлет боговрученное ему Московского государства скипетродержание, и нача правити мудрокормный царствия корабль, и бысть православию глава и богозрачному благочестию начало, и государь всем правоверным, иже под солнечным течением, и всему православному хри-

¹¹⁶ Новый источник обнаруживается лишь в статье «О руском великом князе Владимире и о крещении его».

¹¹⁷ Мы не останавливаемся на своеобразном стиле статей о Смуте и проявившемся в них особом методе изображения личности. См. об этом: П. Г. Васенко. Заметки к статьям о Смуте, включенным в Хронограф редакции 1617 года. — Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб., 1922, стр. 248—261; Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 12—16.